

Вечное и временное в архитектуре и градостроительстве

И.А.Бондаренко, МАРХИ, Москва

В статье заостряется внимание на архаической модели геоцентрической вселенной, которая запечатлевалась в общей структуре зданий и городов. В этой модели есть стационарное начало в центре и динамическая, изменчивая оболочка вокруг. Эта оболочка ассоциировалась с небосводом, по которому плывут звёзды и блуждающие светила, размеряя временные циклы. В Новое и Новейшее время возобладали иные идеи, нацеленные на достижение абсолютной гармонии в земной жизни, как будто ход истории завершился и время замерло. Это привело к расцвету искусства регулярной планировки и таких архитектурных ансамблей, где ничего нельзя ни прибавить, ни убавить, чтобы не сделать хуже». Пройдя через некие волны «динамического хаоса» эклектики, модерна и авангарда, это же по существу искусство, только в другом обличье, вновь утвердилось в модернизме, покорившем весь мир, но вызвавшим разочарование своим технократизмом. Сейчас мы плохо понимаем причины и следствия происходящего. Статья завершается призывом вернуться к «давно забытому старому» и начать вновь разделять «внутреннее» – основополагающее, незыблемое, сокровенное – и «внешнее» – подверженное моде и конъюнктуре, брэнное и преходящее. Нужны и промежуточные состояния, постепенные переходы от хаотичного к умеренному и высокоорганизованному. Речь идёт об отказе от максималистских притязаний на достижение абсолютной гармонии в водовороте заведомо несовершенной земной жизни. Вместо этого предлагается реализация принципов гармонии относительной, позволяющей соотносываться с контекстом, нацеливаясь на постепенное и посильное восхождение к недостижимому идеалу.

Ключевые слова: архитектура, градостроительство, традиции, картина мира, время, вечность, динамика, статика, порядок и хаос, гармония абсолютная и относительная

Eternal and Temporary in Architecture and Urban Planning I.A.Bondarenko, RAACS, Moscow

The article focuses on the archaic model of the geocentric universe, which was captured in the general structure of buildings and cities. In this model, there is a stationary beginning in the center and a dynamic, changeable shell around. This envelope was associated with the firmament, over which stars and wandering luminaries float, measuring time cycles. In Modern and Contemporary Periods, other ideas prevailed, aimed at achieving absolute harmony in mortal life, as if the course of history had ended and time stood still. This led to the flourishing of the art of regular planning and such architectural ensembles, where

nothing can be "neither added nor reduced in order not to make it worse". Having passed through certain waves of "dynamic chaos" of eclecticism, modernity, and avant-garde, this art, only in a different guise, was once again established in modernism, which conquered the whole world but caused disappointment with its technocracy. Now we poorly understand the causes and consequences of what is happening. The article concludes with a call to return to the "long-forgotten old" and begin again to divide the "inner" – fundamental, unshakable, intimate – and "outer" – subject to fashion and conjuncture, frail and transitory. Intermediate states are also needed, gradual transitions from chaotic to moderate and highly organized. It means the rejection of the maximalist claims to achieve absolute harmony in the maelstrom of deliberately imperfect earthly life. Instead, the proposed implementation of the principles of relative harmony, allowing to conform to the context, aiming at a gradual and feasible ascent to an unattainable ideal.

Keywords: architecture, town planning, traditions, picture of the world, time, eternity, dynamics, statics, order and chaos, harmony.

Мы привыкли относить архитектуру к сфере капитального строительства и недвижимости. Памятники архитектуры для нас – это монументальные произведения, противостоящие потоку времени и лишь оставляющие на себе его отпечатки. Недаром по отношению к архитектуре закрепился эпитет «застывшая музыка». Когда речь заходит о факторе времени в архитектуре, то имеются ввиду неизбежные наслоения чего-то нового на прежние, многолетние и многовековые изменения, вкрапления, преобразования, позволяющие уподоблять застройку исторических городов «летописи мира» [1; 2, с. 57]. Однако постройки и планировки бывают разными, и сама долговечность их относительна. Бывает архитектура заведомо временная, буафорская, а также мобильная и трансформируемая [3]. В данной статье хотелось бы обратить на это внимание для того, чтобы попытаться восстановить теряющуюся в веках исходную логику формирования и развития архитектурно-пространственных и градостроительных структур. Я продолжу рассуждения, начатые в недавней моей статье «Архитектура как искусство защиты сокровенного» [4].

Внешняя оболочка здания предназначалась для того, чтобы выгородить и укрыть внутреннее пространство для стабильной жизни хозяина и его семьи. В гробницах и храмах это было особое пространство инобытия в вечности. В жилищах тоже выделялись потаённые сакрализованные места, хотя преобладало пространство обыденное. Городские укрепления создавались

для обеспечения безопасности и умиротворённости соответствующей территории. Когда говорят, что города испокон веков служили очагами деловой активности, «плавильными котлами» и «локомотивами развития», то допускают неточность: средоточиями городов служили святилища, дворцы, правительственные учреждения, где царили тишина и покой. Производственная и торговая жизнь протекала вокруг, на посадах, вблизи фортификаций и за их пределами – в сельской округе.

Данная констатация позволяет соотносить общие структурные основы построения и города, и здания с древнейшей моделью геоцентрической вселенной, суть которой состоит в окружении статичного островка земли вращающимися небесами и водами вечно текущего океана [5] (рис.1). Утверждение принципиально иной, гелиоцентрической картины мира в период великих астрономических и географических открытий дезавуировало эту модель, тем не менее в архитектуре и градостроительстве она продолжила своё существование по традиции вплоть до настоящего времени.

Воплощая в своих постройках образы мироздания, архитекторы исходили из того, что кровли и наружные стены представляют собой подобия небосвода или небесного шатра, распротёртого над землёй [6, с. 142–143]. Кольцо зодиакальных созвездий, наклонённое по отношению к плоскости экватора, а потому образующее в процессе вращения широкий пояс, вполне подходит на роль ограды небесного терема или города. Само число этих созвездий, как и месяцев в году, отсылает к образу нерукотворного небесного града с его 12 воротами и 12 «основаниями стен»¹.

В Библии объясняется, зачем установлены на небе светила – для хронометрии: «для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов»². Заодно с перемещением небесных тел происходит смена суточных и сезонных циклов, то есть движется время, осуществляется ход истории.

Характерно традиционное наименование стражей порядка часовыми. Оно даёт право сравнивать охраняемые ими отрезки крепостных стен с делениями циферблата часов [7, с. 23–24]. Вокруг города, так же, как и двора, и отдельного здания, проносится поток времени, а с ним и всевозможных событий. Это кольцевое пространство воспроизводит поочерёдно состояния утреннего и весеннего пробуждения, полуденного и летнего подъёма, вечернего и осеннего погружения в сумерки и увядания, ночного и зимнего сна и ожидания нового рассвета и новой весны (рис. 2). Четыре фасада прямоугольного здания чётко фиксируют такие грани суток и лет. Но эта чёткость необязательна, ибо круговое движение непрерывно и неумолимо. И оно многосложно, что явствует из неравномерного, иногда даже попятного движения небесных светил. Четырёхугольные в плане сооружения, очевидно, симво-

¹ Откр. 21: 12–14:

«Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца».

² Быт. 1.14

лизировали стационарное ядро модели мира, а многогранные и округлые воспроизводили её в целом, включая обволакивающие это ядро «небесные течи», как выражались на Руси.

Незыблемой считалась вертикальная ось мира, вокруг которой и расходились пространственные круги, вращающиеся с тем большей скоростью, чем дальше от оси они находятся. Важно отметить, что медленно движущиеся и никогда не заходящие за линию горизонта звёзды вблизи неподвижного Северного полюса ассоциировались с вечностью и бессмертием, тогда

Рис. 1. Сотворение мира. Миниатюра из Библии 1250 года. Франция

Рис. 2. Аркаим. Реконструкция города XVIII–XVII века до н.э. Южный Урал

как остальные – то заходящие, то восходящие – со смертью и возрождением [8, с. 153–163]. Такое разное отношение к пространственным координатам даёт понять, насколько значимы для традиционного мировоззрения были архитектурные вертикали.

Теперь обратим внимание на теряющуюся в веках и свойственную едва ли не всем народам мира традицию выделения главного, наиболее почётного места в глубине здания [9, с. 141–142]. Место же у входа, то есть у передней стены и у ворот (пусть и самых красивых и парадных), считалось низшим.

Рис. 3. Средневековая крепость Нямец. Румыния

Рис. 4. Городская среда допетровской Москвы на картине А.М. Васнецов «У Мясницких ворот»

Рис. 5. Ярославль. Вид Стрелецкой улицы и бульвара. 1820-е годы. Акварель. РГВИА [10, с. 243]

Хозяин снисходил сюда, встречая или провожая дорогого гостя и демонстрируя своё особое расположение к нему. А дома за столом он такого гостя усаживал непременно возле себя – если в русской избе, то в Красном углу.

Традиция эта вполне логична, а потому практически неискоренима. И сейчас хозяева и начальники имеют свои комнаты и кабинеты в отдалении от входов, а вблизи от них сидят охранники, гардеробщицы, шофёры, устраиваются торговые лавки, гаражи и склады. По-прежнему мир вертится вокруг главенствующих персонажей, чьё место во внутренних покоях, подальше от посторонних глаз. На переднем же плане – суэта сует, связанная с их защитой и обслуживанием.

Сказанное даёт понять, что выходящие на улицы фасады домов не так уж значительны по своей исконной природе, хотя зачастую и кажутся первостепенными элементами – «визитными карточками» и «лицами» хозяев.

Традиционное жилище, как известно, представляло собой комплекс построек внутри двора, обнесённого со всех сторон неприступной оградой. Могло быть так, что только входные проёмы акцентировались декором, подобающим статусу владельца. На самом деле, по исходному своему смыслу – не просто декором, а магическими знаками, призванными обеспечить защиту от зла. Так и древние замки, донжоны, выглядящие как отдельные здания, надёжно укрывали внутри себя пространства дворов и богато оформленных залов, а к внешнему миру обращались глухими, точнее, «подслеповатыми» крепостными стенами с пугающими отверстиями бойниц. Их защитная, служебная функция вполне очевидна (рис. 3).

Стоит отметить и тот факт, что издревле люди селились большими семейными кланами, родовыми гнёздами, внутри которых соблюдалась строгая субординация. Старейшины обитали, естественно, в глубине этих «гнёзд», а на периферию выходили постройки и пристройки второстепенные, предназначенные для мелкого служилого торгово-ремесленного люда. На Востоке, там где сохранилась ещё традиционная ковровая застройка со множеством кривых улочек и тупичков, и сегодня хорошо видно, что уважаемые господа скрываются за многими рядами стен и домов, а уличные торговцы, дворники и бегающие мальчишки бдительно присматривают за тем, чтобы чужаки не проникли в глубину квартала. Чуть что – они просигнализируют, а то и задержат.

Отсюда происходила типичная для древности и средневековья беспечность в отношении организации и оформления внешних очертаний тех или иных градостроительных образований. Тут запросто искривлялись красные линии, появлялись пристройки и надстройки, временные лачуги, палатки, совершенно бросовые вспомогательные строения, загромождающие проходы, которые, однако, никого не шокировали (рис. 4).

И только с приходом «просвещённо-абсолютистского» мировоззрения Нового времени с этой вопиющей неупорядоченностью городской среды начали всерьёз бороться. Общественные пространства улиц и площадей стали вдруг трактоваться как особо значимые, представительские, парадные, более важные, нежели пространства внутридомовые, private (рис. 5).

Настойчивое издание и переиздание в России XVIII века высочайших указов об урегулировании планов городов и постановке домов строго по красным линиям, подкреплённое соответствующими организационными мероприятиями, привело к радикальным преобразованиям живописных древнерусских поселений [10] (рис. 6). В Европе сохранилось гораздо больше средневекового градостроительного наследия, но именно там сформировалось качественно новое, картезианское, как его часто называют, пространственное мышление [11, с. 65–72]. Это мышление продолжило своё развитие и после заката классических имперских стилей, оно распространилось, по большому счёту и на весь мировой модернизм XX века с его тягой к рационализму и стандартизации.

Мне представляется, что всё дело в том, что человек стал оперировать понятиями абсолютной гармонии применительно к архитектурно-планировочной организации земной, преходящей действительности.

Централизация власти усиливала её могущество и уверенность в одержании побед над внешними и внутренними врагами во имя наведения наконец-то порядка на израненной, беспоконной земле. Этим можно объяснить широкую поддержку абсолютистских режимов – ведь они несли долгожданный мир и процветание своим народам. Многие частные интересы при этом неизбежно приносились в жертву общим, государственно значимым. Патриархальные традиции разрушались, картина мира преображалась. Монархии обещали счастье и многое делали для его достижения здесь и сейчас, точнее, в ближайшей перспективе. Как-будто настает конец мучениям, конец истории. Правда, вместо этого возникали революции, свергавшие королей и царей, но не иначе, как во имя достижения той же цели: убрать все препятствия на пути установления долгожданного всеобщего и абсолютного порядка на земле. Окончательного установления – раз и навсегда!

Абсолютная гармония противостоит бегу времени, она останавливает счастливое мгновение. Архитектурные ансамбли городов, начиная с эпохи Ренессанса, стали создаваться как шедевры, в которых нельзя ничего «ни прибавить, ни убавить, чтобы не сделать хуже» [12, с. 29]. В них чувствуется твёрдая воля мастера, нацеленная на установление ясной планировки и композиционного порядка, масштабного и ритмического строя, стилистического единства. Это, действительно, прекрасные, но хрупкие, «легко ранимые» ансамбли, которым противопоказаны изменения во времени. У них есть лишь одно спасение – музеефикация.

В архитектуре эклектики, а особенно модерна и авангарда, появилось много асимметрии и динамики, ведущих к неуравновешенности, открытости, незавершённости композиций. Тогда и вся городская среда будто пришла в движение, местами весьма бурное и хаотичное. Неожиданное появление новых экспрессивных сооружений по частной инициативе, сносы и реконструкции старых построек, бурное развитие транспорта и решительные градостроительные преобразования стали знаком больших исторических перемен.

Ощущению хаоса способствовало то, что уничтожены и растеряны были многие пространственные и объёмные «статические ядра» городов, как их называл И.В. Жолтовский [13]. Впрочем, на смену прежним стали приходиться новые градообразующие доминанты, только уже лишённые былой сакраментальной значимости.

С отказом от авангарда возобладала вновь и с новой силой политика строительства города-ансамбля. Нельзя сказать, что динамика в таком городе была полностью подавлена статикой. О пространственных лучах и проспектах, наполненных движением, рассуждал тот же И.В. Жолтовский и не он один [14]. Но все стремились к упорядоченности, сбалансированности этого движения, останавливаемого в ключевых пунктах, расставляемых с определённым расчётом. Иными словами, ансамбль мыслился как завершённое архитектурно-художественное произведение, в котором должна быть такая гармоничная внутренняя энергия, какая присуща только здоровому, цветущему организму. Течение времени представлялось здесь бесконечным, как в мире бессмертия.

Плановое хозяйство в условиях отмены частной собственности весьма поспособствовало воплощению такой идеологии в практике проектирования очень крупных, капитальных и

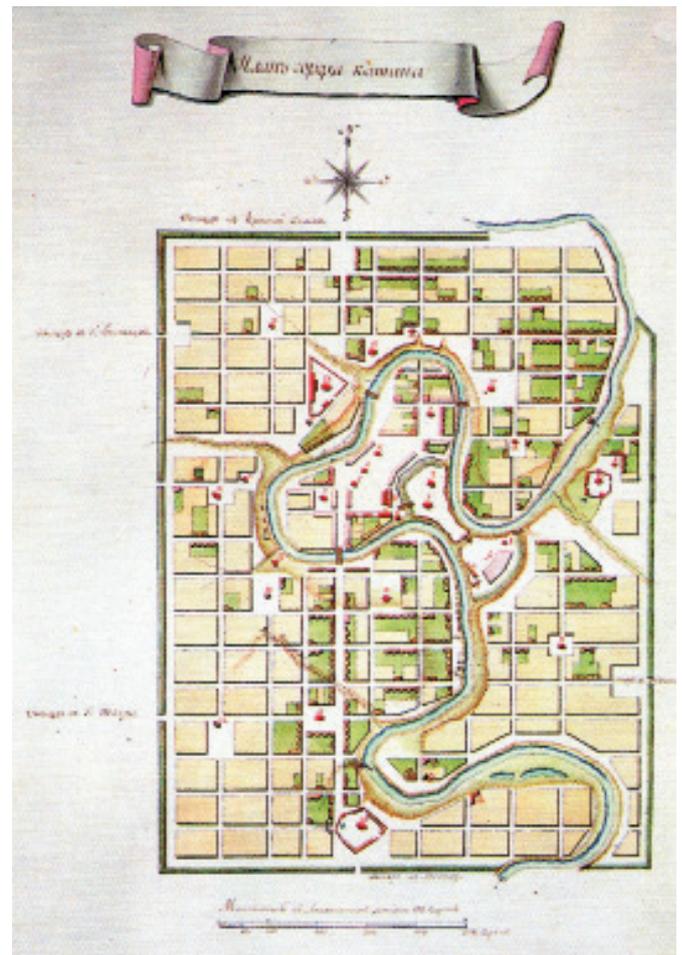

Рис. 6. Кашин. Регулярный план города конца XVIII века. РГВИА [10, с. 231]

целостных неоклассических объёмно-пространственных структур, рассчитанных на долгую перспективу, если не навсегда.

Н.С. Хрущев, как известно, нанёс сокрушительный удар этому архитектурному монументализму и развернул массовое строительство удешевлённого жилища с небольшим сроком эксплуатации. В этом видится возврат к традиционному пониманию существа периферийной малоценной и изменчивой, то возникающей, то исчезающей застройки. Вместе с тем новые районы городов при всей своей неказистости стали слишком масштабным явлением, предопределившим жёсткое регулярное освоение обширных окраинных территорий.

Принятое в последнее время для архитектуры и градостроительства 1960–1970-х годов наименование «советский модернизм» отчасти справедливо, поскольку в это время у нас господствовало планомерное преобразование «рыхлых» аграрно-промышленных окраин в «правильно» спланированные районы, отвечающие в целом модернистским представлениям о рациональной организации городских пространств и городских функций. Другое дело, что на практике многое оставалось и неправильным, и нерациональным. К тому же монотонность индустриальной застройки очень быстро вызвала негативную реакцию, что стимулировало развитие так называемой «свободной» планировки при сочетании плохо сочетающихся типовых домов разных серий.

На понятии свободной планировки стоит остановиться чуть подробнее. Отказ от ортогональных решёток квартальной и «строчной» застройки в пользу «перетекающих» пространств объяснялся стремлением к возрождению на новом уровне принципов живописной организации городской среды, органически взаимосвязанной с естественным ландшафтом. Активизировались тогда и общие рассуждения

о динамике функционирования городского организма, в котором обнаруживались твёрдый «каркас» и более податливая «ткань». Однако за планировочный каркас была принята система преисполненных движения общественных пространств, улиц и дорог, а за изменчивую ткань – жилые образования, традиционно нуждающиеся, наоборот, в тишине и стабильности. В современном городе, действительно, динамические функции стали казаться более важными, нежели статические. Но это не значит, что каркас транспортных артерий остаётся неизменным. Напротив, он перманентно модернизируется и разрастается [15].

Сопrotивление этой общей зыбкости среды оказывают только признанные памятники архитектуры и градостроительства, требующие выделения своих неприкосновенных территорий и охранных зон. Совершенно понятно, почему пополнению их списков чинятся препятствия: они мешают ускорению столь поощряемой сегодня деловой активности. Хотя на самом деле они могли бы умерить её пыл и тем самым значительно улучшить структуру и качество пространства жизнедеятельности.

Что же мы имеем сегодня в относительно крупных городах? Отдельные удачно скомпонованные архитектурно-планировочные образования, комплексы и ансамбли в окружении разнокалиберной, беспокойной, зачастую диссонирующей застройки, допускающей всевозможные вмешательства и ждущей реконструкции. Это постоянно огорчает и раздражает многих, вызывая желание собраться с силами и навести в конце концов полный порядок. Но жизнь идёт, а порядок не возникает. Возникает всё новая и новая порча старины и стихийно сложившихся уголков, пусть неказистых, но любимых кем-то местным жителям.

Рис. 7. Лондон. Вид на современную застройку Сити со стороны Тауэра

Особенно заметна деструктивная роль активно строящихся высотных акцентов, бессмысленных и бессистемных, совершенно неспособных собирать и организовывать вокруг себя окружающее пространство, как это было в те времена, когда люди стремились следовать охарактеризованной выше стройной и ясной картине мира. Сейчас господствуют совсем другие, надо сказать, очень туманные представления о космосе и хаосе, и, похоже, что именно эти представления так или иначе отражаются на происходящем в наших городах и селениях (рис. 7).

Я хочу сказать, что всё это происходит не случайно. Существует у нас в далёком от совершенства изменчивом мире, а мечтаем о Рае на земле. Архитекторы и градостроители воспитываются как демиурги, в чьём воображении рождаются проекты счастливого будущего. Правда, в противовес этому периодически выдвигаются требования покончить с утопиями и сделать проектирование более жизненным, отвечающим на запросы современности [16]. Однако чрезмерный прагматизм ведёт к девальвации архитектуры и градостроительства как высокого искусства. А отсюда неизбежно следует ухудшение качественных характеристик среды. Вот почему вновь и вновь звучат призывы поднять уровень нашей профессиональной культуры и мастерства.

На этом тезисе следует остановиться. Его надо конкретизировать и попытаться наполнить новым смыслом.

Изучение истории архитектуры и градостроительства показывает, насколько разными по своему богатству и совершенству бывали здания, сооружения и планировки. Где-то возникали шедевры, а где-то – совсем скромные «безыскусные» строения в слабо организованных пространствах. И это было естественным для объектов разного статуса. Традиционное мировоззрение было проникнуто идеей неравенства [17, с. 173]. Трудно сегодня с нашими демократическими установками принимать эту идею, однако значимость её для архитектуры и градостроительного искусства необходимо осознавать, в противном случае мы так и не сможем восстановить преемственные связи с прерванным процессом органического формирования исторических поселений. Умение проявлять должную скромность и выстраивать закономерную систему постепенного восхождения к идеалу – вот в чём нуждается архитектор – профессионал современного уровня.

Вышеприведённые наблюдения и рассуждения строятся на довольно далёких историко-архитектурных и градостроительных реалиях. Однако они подкрепляются немалым числом доживших до нашего времени и так и оставшихся неискорёнными традиций. И сейчас на окраинах городов мы видим неухоженные территории с разбросанными утилитарными строениями, временками складского и балаганного типов. Исторические же центры стали охраняемыми зонами, где, можно сказать, застыли, окаменели характерные архитектурные лики и образы. Тут как будто остановилась история, а в отдалении она ещё продолжается, порождая всё новые и новые изменения.

Итак, для «оздоровления» теории и практики нашей архитектуры, по-моему, стоит вернуться к «давно забытому старому»

и начать вновь разделять «внутреннее» – основополагающее, незыблемое, сокровенное – и «внешнее» – подверженное моде и конъюнктуре, бременное, преходящее, временное. Нужны и промежуточные состояния, верно найденные постепенные переходы от безудержного к умеренному, всё более высокоорганизованному, совершенному. Иными словами, речь идёт о признании исключительности реальных случаев достижения священной по своей сути абсолютной гармонии и отказе от честолюбивых притязаний на неё в водовороте заведомо несовершенного, «профанного» земного существования.

Вместо этого надо принять широкий спектр возможностей реализации принципов гармонии относительной, не достигающей идеала, но предполагающей возможное и посильное восхождение к нему. Сказанное касается и градостроительных структур, которые не следует «замоноличивать», и отдельных зданий, чьи архитектурные оболочки не должны проектироваться как самодостаточные «кристаллы»: им на пользу пойдёт способность подлаживаться к существующему и меняющемуся контексту. Недаром многие интуитивно уповают сегодня на продуктивность контекстуального подхода к проектированию архитектурных и градостроительных объектов.

При таком отношении к делу вместо несостоятельных попыток покорить стихию разом и целиком развернётся систематическая работа по её структурному и архитектурно-художественному усовершенствованию.

Литература

1. *Иконников, А.В.* Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды / А.В. Иконников. – М. : Советский художник, 1985. – 336 с.
2. *Кириченко, Е.И.* Архитектурные теории XIX века в России / Е.И. Кириченко. – М. : Искусство, 1986. – 344 с.
3. *Сапрыкина, Н.А.* Основы динамического формообразования в архитектуре / Н.А. Сапрыкина. – М. : Архитектура-С, 2005. – 321 с.
4. *Bondarenko, I.* Architecture as the Art of Protecting the Innermost [Электронный ресурс] / 2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2018) // Atlantis Press. – Режим доступа: <https://dx.doi.org/10.2991/icassee-18.2018.77/> (дата обращения 30.01.2019).
5. Космологические произведения в книжности Древней Руси. В 2 ч. Ч. I. Тексты геоцентрической традиции / Отв. редактор М.Н. Громов. – СПб : Товарищество «Миръ», 2008. – 624 с.
6. *Шамбинаго, С.* Древнерусское жилище по былинам / С. Шамбинаго // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями / Под ред. Н.А. Янчука. – М., 1900.
7. *Кудрявцев М.П.* Пространственная композиция центра Москвы XVII в. / А.П. Кудрявцев // Архитектурное наследие. – 1976. – Вып.25.
8. *Локьер, Норман Джозеф.* Рассвет астрономии. Планеты и звезды в мифах древних народов / Н.Дж. Локьер; пер.с англ. – М., 2013. – 448 с.
9. *Липец, Р.С.* Эпос и Древняя Русь / Р.С. Липец. – М. : Наука, 1969. – 304 с.

10. Москва и сложившиеся русские города XVIII–первой половины XIX веков. Серия Русское градостроительное искусство / Под общей редакцией Н.Ф. Гуляницкого. – М. : Стройиздат, 1998. – 440 с.

11. *Саваренская, Т.Ф.* Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков. Эстетические и теоретические предпосылки / Т.Ф. Саваренская. – М. : Стройиздат, 1987. – 191 с.

12. *Альберти, Л.-Б.* Десять книг о зодчестве: в 2-х т. Т. 1 / Л.-Б. Альберти. – Л.–М. : Всесоюзная академия архитектуры, 1935.

13. *Астафьева-Длугач, М.И.* О градостроительных взглядах И.В. Жолтовского / М.И. Астафьева-Длугач // Проблемы истории советской архитектуры: сб.н.тр. Вып. 2. / Под ред. С.О.Хан-Магомедова. – М., 1976. – С. 38–41 .

14. *Старостенко, Ю.Д.* И.В. Жолтовский о развитии реконструкции Москвы: проекты и мысли 1920-х – 1930-х гг [Электронный ресурс] / Ю.Д. Старостенко // Architecture And Modern Information Technologies. – 2018. – № 3 (44). – Режим доступа: – http://marhi.ru/AMIT/2018/3_kvart_18/PDF/03_starostenko.pdf (дата обращения 02.02.2019).

15. *Бондаренко, И.А.* Каркас и ткань города: между твёрдым порядком и динамическим хаосом / И.А. Бонадаренко // Градостроительство. – 2015. – № 5 (39). – С. 24–29.

16. *Иконников, А.В.* Утопическое мышление и архитектура / А.В. Иконников. – М. : Архитектура-С, 2004. – 400 с.

17. *Бриллиантов, А.И.* Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены / А.И. Бриллиантов. – СПб, 1898.

Literatura

1. *Ikonnikov A.V.* Iskusstvo, sreda, vremya. Esteticheskaya organizatsiya gorodskoj sredy / A.V. Ikonnikov. – М. : Sovetskij hudozhnik, 1985. – 336 s.

2. *Kirichenko E.I.* Arhitekturnye teorii XIX veka v Rossii / E.I. Kirichenko. – М. : Iskusstvo, 1986. – 344 s.

3. *Saprykina N.A.* Osnovy dinamicheskogo formoobrazovaniya v arhitekture / N.A. Saprykina. – М. : Arhitektura-S, 2005. – 321 s.

5. *Kosmologicheskie proizvedeniya v knizhnosti Drevnej Rusi.* V 2 ch. Ch.I. Teksty geotsentricheskoy traditsii / Otv. redaktor M.N.Gromov. – SPb : Tovarishestvo «Mir», 2008. – 624 s.

6. *Shambinago S.* Drevnerusskoe zhilishhe po bylinam / S. Shambinago // Yubilejnyj sbornik v chest' V.F. Millera, izdanyj ego uchenikami i pochitateljami / Pod red. N.A.Yanchuka. – М., 1900.

7. *Kudryavtsev M.P.* Prostranstvennaya kompozitsiya tsentra Moskvy XVII v. / A.P. Kudryavtsev // Arhitekturnoe nasledstvo. – 1976. – Vyp. 25.

8. *Lok'er Norman Dzhozef.* Rassvet astronomii. Planety i zvezdy v mifah drevnih narodov / N.Dzh. Lok'er; per.s angl. – М., 2013. – 448 s.

9. *Lipets R.S.* Epos i Drevnyaya Rus' / R.S. Lipets. – М. : Nauka, 1969. – 304 p.

10. Москва и сложившиеся русские города XVIII-первой половины XIX веков. Seriya Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo / Pod obshej redaktsiej N.F. Gulyanitskogo. – М. : Strojizdat, 1998. – 440 s.

11. *Savarenskaya T.F.* Zapadnoevropejskoe gradostroitel'stvo XVII–XIX vekov. Esteticheskie i teoreticheskie predposylki / T.F. Savarenskaya. – М. : Strojizdat, 1987. – 191 s.

12. *Al'berti L.-B.* Desyat' knig o zodchestve: v 2-h t. T. 1 / L.-B. Al'berti. – Л.–М. : Vsesoyuznaya akademiya arhitektury, 1935.

13. *Astaf'eva-Dlugach M.I.* O gradostroitel'nyh vzglyadah I.V. Zholtovskogo / M.I. Astaf'eva-Dlugach // Problemy istorii sovetskoj arhitektury : sb.n.tr. Vyp. 2. Pod red. S.O. Han-Magomedova. – М., 1976. – S. 38–41 .

14. *Starostenko Yu.D.* I.V. Zholtovskij o razvitii rekonstruktsii Moskvy: proekty i mysli 1920-h – 1930-h gg [Elektronnyj resurs] / Yu.D. Starostenko // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 3 (44). – Rezhim dostupa: – http://marhi.ru/AMIT/2018/3_kvart_18/PDF/03_starostenko.pdf (data obrashheniya 02.02.2019).

15. *Bondarenko I.A.* Karkas i tkan' goroda: mezhdru tverdym poryadkom i dinamicheskim haosom / I.A. Bonadarenko // Gradostroitel'stvo. – 2015. – № 5 (39). – S. 24–29.

16. *Ikonnikov A.V.* Utopicheskoe myshlenie i arhitektura / A.V. Ikonnikov. – М. : Arhitektura-S, 2004. – 400 s.

17. *Brilliantov A.I.* Vliyanie vostochnogo bogosloviya na zapadnoe v proizvedeniyah Ioanna Skota Erigeny / A.I. Brilliantov. – SPb, 1898.

Бондаренко Игорь Андреевич (Москва). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства ФГБОУ ВПО «Московский архитектурный институт (государственная академия) (107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4. МАРХИ). E-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru.

Bondarenko Igor Andreevich (Moscow). Doctor of Architecture, Professor, Academician of RAACS. Professor at the Department of History of Architecture and Urban Planning at Moscow Institute of Architecture (State Academy) (11/4 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031. MArchI). E-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru.